

ЮЛИЯ
РАССКАЗОВА

И НЕЙ
ПОЗДНИМ ЛЕТОМ

16+

юлия рассказова
Иней поздним летом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55015868

SelfPub; 2020

Аннотация

У всех нас есть свои тайны. Светлые или темные. Думать о которых – словно гладить пушистый мех или ходить босыми ногами по острым ножам. Которые прогоняют прочь сон или заставляют на несколько мгновений забыть, где находишься. Неведомые другим. Но оттого они и тайны. Была такая и у Инны... Сказка для Золушек, которым давно за тридцать...

Сказка для Золушек, которым уже давно за тридцать.

– Инна Сергеевна, Ларка косметику притащила. У нее новые помады и кремы для лица!

Девчонки из бухгалтерии спешили по коридору к конференц-залу, заглядывали в кабинеты. Звали с собой.

Два года назад Ларка тоже работала в бухгалтерии. Невысокая, худенькая, с беспокойным взглядом, она с трудом могла усидеть на месте. Вертела головой, взмахивала руками, бесконечно поправляя прическу. Если не вела разговоры с соседками, то мурлыкала себе под нос. А когда строгая главбух требовала тишины – грызла, как сердитый хомяк, ручку. От такой подвижности казалось, что работает Ларка, паря над стулом и пританцовывая в воздухе.

Большее несоответствия характера и профессии Инна никогда не видела. Но будущее Ларки определяли родители, а она была способной ученицей и послушной дочерью, так что после окончания университета попала в бухгалтерию огромного Учреждения, где директорствовал хороший знакомый ее отца. Глядя на суетливую Ларку со стороны, можно было подумать, что все цифры в отчетах, которые она составляла, тоже должны плясать и перескакивать с места на место.

Удивительно, но, по словам вечно всем недовольной

Виталины Марковны, директорская протезе ошибок не делала, только работала очень медленно и всех отвлекала.

Но два года назад, заглянув к соседке по лестничной площадке, Ларка случайно попала на презентацию кастрюль и открыла для себя мир сетевого маркетинга. Через месяц она впервые пошла наперекор воле родителей и, уволившись из бухгалтерии, стала распространителем. Сначала кастрюль, потом косметики. Работа Ларки превратилась в шоу, в котором было место и пению, и легкому танцу в воздухе. А с кругом знакомств общительной девушки шоу стало бесконечным.

В одном только Учреждении она появлялась раз в месяц с косметикой, раз в квартал – с экологической бытовой химией и изредка – с кастрюлями. Кроме того, у Ларки можно было купить хитрые крышечки для банок, миски, в которых не пропадал творог, чудо-тряпки, чтобы натирать до блеска стекла, и еще множество полезных и бесполезных мелочей.

Найдя себя и свое место в жизни Ларка расцвела и процветала.

Слушая оживленные женские голоса в коридоре, Инна бросила быстрый взгляд на круглые часы над дверью. Начинался перерыв. Она потянулась к сумочке, выуживая кошелек, хотя прекрасно знала, сколько в нем денег,

и помнила, что не может себе позволить незапланированных трат.

У Светлячка скоро защита проекта. Зарплата Вадима идет на погашение кредита. На носу выплаты по ипотеке за квартиру. Нельзя же рассчитывать на то, что неплохо зарабатывающий сын будет финансировать родителей?

Но взгляд замер на календаре, стоявшем на столе.

Четырнадцатое число. А это значит...

Инна решительно поднялась и вышла из кабинета, зажав в руке кошелек.

У всех нас есть свои тайны. Светлые или темные.

Думать о которых – словно гладить пушистый мех или ходить босыми ногами по острым ножам.

Которые гонят прочь сон или заставляют на несколько мгновений забыть, где находишься.

Неведомые другим. Но оттого они и тайны, что ими невозможно поделиться...

Даже с самыми близкими.

Была такая и у Инны.

Необычная. Невероятная. Скорее светлая, чем темная, хотя были моменты в жизни, когда она считала ее большим злом, отнявшим у нее шанс на счастье.

В тайне крылась та самая причина, по которой Инна растворилась среди беспокойного ручья молоденьких девчонок

и сотрудниц более близкого для нее самой возраста. Уже даже не бальзаковского, чуть старше...

Та причина, по которой выбрала себе помаду – яркую, но не слишком, с ароматом клубники, который всегда напоминал о любимом времени года – Лете!

На следующий день Инне Сергеевне хотелось выглядеть по-особому красивой.

Для себя.

Ведь ее присутствие оставалось, обычно, незамеченным.

...

Было время, когда, отчаянно копаясь в памяти, Инна пыталась вспомнить, как случилось первое «путешествие». Ей казалось, что тогда она сможет понять, почему это произошло, а значит – остановить.

Безуспешно.

В детском восприятии все смешалось – реальность и видения, а встречи с неведомым стали неотъемлемой частью особой вселенной, которая есть у каждого ребенка. Так что, смирившись с тем, что никогда не поймет причин, Инна решила, что все началось во сне.

Время от времени она видела мир, который, хоть и был похож на тот, что окружал ее, но все же во многом отличался.

Он казался ярче. Как если бы в ожидании гостя прошел дождь, смыв пыль с листвы и зданий и освежив все краски,

но следы непогоды успевали высохнуть до того, как появлялась любопытная девочка.

Люди в том мире одевались иначе, напоминая героев костюмированных сериалов. Но их наряды выглядели гораздо практичнее: никаких рукавов-фонариков и коротких бриджей с гольфами у мужчин, никаких кринолинов и корсетов у женщин.

Дома выглядели странно, хотя в то же время казались похожими на здания из программы «Вокруг света». На улицах городов не видно было привычных автобусов, трамваев, троллейбусов, и время от времени на них появлялись удивительные животные... Но удивительных животных хватало и в книжках, которые читал Инне деда.

Многие различия открывались девочке постепенно. На какие-то она не обращала в детстве внимания. В том возрасте они ее не слишком удивляли.

Ребенку гораздо легче принять, что можно парить над землей, пусть и совсем недолго. Заставлять предметы передвигаться по своему желанию. Без самолетов и машин попадать, куда хочешь, на повозках без колес и лошадей. Или, исчезнув в одном месте, просто появиться в другом.

Взрослому смириться со всем этим гораздо сложнее. Его мировоззрение уже сформировано полученными знаниями и готовыми суждениями о том, что нормально и что – нет.

Хотя, если посмотреть вокруг: Ларка же могла парить над стулом? А Антон Павлович из чертежного? Уверяет, что об-

ладает телекинезом и способен притягивать в руки карандаши. Разве привычные плоды научно-технического развития не покажутся волшебством для прабабушек и прадедушек современных людей?

Разговаривать с тем, кто находится на другой части планеты?

Пересадить больному чужое сердце?

3-д принтер?

Людам из мира, где только-только появились машины, самолеты и синемаатограф, понадобилось бы время, чтобы все это принять. А приняв, неизбежно привыкнуть.

Так и Инна перестала со временем искать отличия и сравнивать все, что видит во время «путешествий», с тем, что окружало ее в реальной жизни. Она приняла, что мир ее видений иной.

...

Сначала была игра, в которой девочка Инночка (или Точка, как звали ее домашние) вдруг оказывалась на некоторое время в сказке и видела там одного и того же парнишку немного старше ее самой.

Одно из самых важных первых воспоминаний включало в себя луг с высокой травой, среди которой разноцветными светлячками горели мелкие цветы. Инна оказалась босиком на мягкой, как бабушкино покрывало, зелени. Над головой у

девочки синело небо, каким оно бывает только летом – высокое, что и взглядом не дотянуться до края. С редкими облаками – отбившимися от стада ангорскими овечками (деда как раз недавно рассказывал Точке про таких и показывал картинки в книжке). Овечки в небе явно шли на стрижку – их шерсть уже скрыла и ноги, и хвосты, даже головы были едва-едва различимыми.

Потом девочка заметила парнишку. Он лежал в траве и жонглировал пятью матерчатыми мячиками. Вот только руки его при этом были раскинуты в стороны, а мячики крутились в воздухе сами собой!

Инна громко рассмеялась, так это было красиво и забавно, попробовала подойти поближе, но у нее ничего не получилось. Как и раньше.

Сны могут подарить нам крылья, но лишить голоса или даже способности ходить.

Тогда Инна села там, где была, и стала смотреть.

«Путешествия» в чужой мир проходили по особым правилам.

Инна словно попадала в комнату, все стены которой, как панорама, показывали одну и ту же сцену со всех сторон, только кто-то забыл включить звук.

Хотя нет, скорее Инна оказывалась за экраном, иногда ощущая запахи и ветер и всегда одетая по погоде, потому что времена года в мирах совпадали. Она могла подвигать ру-

ками, покрутиться, изредка сделать несколько шагов от того места, где появилась. Но гостя оставалась незамеченной, даже если звонко смеялась, топала ногами, визжала (например, когда девочке показалось, что она наступила на паука размером с оладушек, что пекла бабушка). За все годы только однажды Инна подумала, что ее крик проник сквозь невидимую стену... Но, скорее всего, это было совпадение.

Она сама могла только смотреть, сделать пару шагов. А если прикоснуться – то только к тому, что оказалось рядом, и никогда – к людям.

В прошлый раз она видела этого самого паренька с родителями – кем еще могли быть высокие и очень статные мужчина и женщина? То, что взрослые чем-то недовольны, было ясно даже невольной свидетельнице разговора, проходившего в просторной комнате с огромным камином (что это такое, Инна узнала позже).

Женщина стояла, отвернувшись к окну и нервно сжимая руки. Мужчина что-то сердито говорил, и его густые брови собирались вместе с одну темную линию. Парнишка стоял к Инне спиной. Она рассмотрела аккуратный бежевый костюмчик, весь заляпанный грязью и с дырами на локтях. А еще непослушные, взлетевшие над головой вихры черных волос.

Следить за упрямым мальчишкой (даже вида напряженной спины было достаточно, чтобы догадаться, что он обяза-

тельно упрям) было скучно, и девочка принялась разглядывать место, где находилась.

Помещение казалось огромным! Не то что двухкомнатная квартира, где Инна жила вместе с родителями, сестрой, бабушкой, дедушкой и кошкой в придачу. Кошка была скучная. Все время спала: на батареях зимой или на солнечных подоконниках летом, и совершенно не хотела играть.

– Это от старости, – объясняла баба.

Хотя сама она, несмотря на морщины на лице и согнутую спину, не казалась вечно сонной и не отказывалась поиграть с внучками в куклы.

Сестра была крикливая и капризная.

– Это от того, что она еще слишком маленькая, – с мягкой улыбкой объяснял деда.

Но даже в его плохо слышащих ушах время от времени появлялись кусочки белой ваты.

Поэтому Точке так нравились «путешествия». Они всегда были полны открытий. Например, в красивой комнате, где проходил разговор, нашлось множество интересного! Чего стоила одна печка в стене с настоящим огнем внутри! По бочкам от нее сверкали высокие металлические подсвечники, как в мультфильме про Золушку. А все эти странные предметы на столе, на полках между книг в красивых переплетах – они ведь тоже напоминали какую-то сказку?

Инна тогда подумала: а что, если она и правда попала в сказку? Значит перед ней Принц и Король с Королевой? И

громко рассмеялась над Принцем в драной и грязной одежде. (Все равно никто не услышит).

Потом девочка стала разглядывать родителей паренька. И хоть Точка решила, что это все-таки не Король с Королевой, они ей понравились.

У них была очень красивая одежда и аккуратные прически.

Так, как эта незнакомая женщина, мама Инны выглядела только на Новый год. Причем совсем недолго: между тем, как, сняв передник, она переодевалась и красилась перед приходом гостей, и тем, как ее прическа разлеталась на неуправляемые кудри от танцев под аккордеон, а платье сбивалось на талии, теряя формы, пока мама бегала между кухней и комнатой с пустыми и полными тарелками.

Девочки подсматривали за родителями и их гостями из маленькой комнаты. А бабушка и дедушка ворочались на своих кроватях и долго не могли уснуть под шум, доносившийся из-за двери.

Папа Инны и вовсе никогда не выглядел похожим на мужчину из красивой комнаты. Папа – в строгом костюме?!

Хотя в день свадьбы он точно надевал костюм! В семейном альбоме сохранились черно-белые фотографии... Сквозь них невозможно было подсмотреть, но Инна не сомневалась, что жених выглядел представительно но только до тех пор, пока не зазвучала музыка и не были распиты первые бокалы...

Обычно папа носил свитера и широкие брюки, а свободное время проводил на диване перед телевизором.

Зато родители Инны были веселыми. Вокруг них, а значит и в маленькой двухкомнатной квартире, всегда царил праздник. Пусть ему не хватало красивых вещей на стенах и в шкафах и выбора блюд на столе. Пусть от него уставали баба с дедой – все же это был светлый праздник.

Просторная комната, которую рассматривала Инна, похоже, не знала смеха. Придя к такому выводу, девочка решила, что мужчина и женщина слишком строги, слишком серьезны и не умеют веселиться. Так что, вернувшись в тот раз из «путешествия», Точка уверилась, что ей повезло больше, чем пареньку, лица которого она еще не видела.

Зато узнала его позже среди мальчишек, за которыми «подсматривала» уже несколько раз. Ребят всегда было много, и некоторых из них Инна видела из «путешествия» в «путешествие». Но ее привлекали больше игры, чем те, кто в них играл. Она искала сходства с забавами, что велись в ее собственном дворе.

Как и всё в другом мире, мячи, которыми бросались ребята, были яркими. И, хоть казались матерчатыми, отскакивали от ног или рук, будто резиновые. А иногда, наоборот, прилипали к ладоням, словно намазанные клеем. Что за правила царили в этой игре, Инна не разобрала. Зато она угадала «прятки», «салочки», а еще своеобразный вариант «выши-

бал». Так как перед ней резвились мальчишки, они часто играли в войнушку, а когда ссорились по-настоящему, то дрались. До разорванных рукавов и грязи на лицах и одежде.

Может, родители ругали сына за внешний вид?

На поляне в траве Инна впервые увидела парнишку одного и узнала в нем того, что играл среди ребят. Несмотря на торчащий вверх задиристый черный вихор, он не был забиякой, но при этом участвовал во всех драках. По волосам Точка и определила мальчишку из комнаты, а потом догадалась, что во всех своих «путешествиях» оказывается рядом именно с ним.

А значит, стоило лучше его рассмотреть.

Пока незнакомец лежал на спине и, широко раскинув руки в стороны, жонглировал мячиками (глазами он это делал или мыслями?), изучать можно было только половину его лица – густую черную бровь, прямой нос и упрямо сжатые губы (от напряжения, решила девочка).

И задумалась, похож ли этот мальчишка на кого-то из ее знакомых? Но сравнивать профиль было сложно, а еще немного смешно. Инна захихикала, прижав ладони ко рту, представляя, что в траве лежит Гришка из двора. Недавно он посрывал все цветы в клумбе напротив подъезда, и бабушка на него очень сердилась.

А еще ворчала в сторону внучки:

– Не слишком ли рано женихи тебе цветы дарят?

Да какой он жених!

Гришка был рыжим, с конопушками на широком носу. Губастый.

Совсем не такой, как паренек на зеленом лугу. Особенно это стало очевидно чуть позже. Сначала мячики вдруг застыли на мгновение в воздухе, а потом повалились жонглеру на грудь. Страхивая их с себя, он сел в траве, развернувшись прямо к Инне, и девочка испугалась, что ее поймали на месте преступления. Вернее, подглядывания.

Но нет.

Незнакомец не видел ее. Как всегда. Не слышал ее смеха.

И он совсем, совсем не напоминал Гришку. Во-первых, потому что был старше. Во-вторых, намного симпатичнее. В его серые глаза подмешивалась синева. На фоне черных волос это заметно выделялось и привлекало взгляд.

Инна прижала руки к груди, в которой тревожно затрепыхалось сердце.

От страха, наверное. Или ей впервые в жизни понравился мальчик.

Из снов.

...

– Инна Сергеевна, – секретарь Генерального, Лидочка, заглянула после обеда.

Лидочка была очень хорошенькой. Степан Борисыч,

хоть и считался серьезным мужчиной и слыл примерным семьянином, выбирал себе помощниц не только по рабочим качествам, но и по внешности.

– Оценивать предприятие начинают с приемной директора. Значит, секретарь – лицо фирмы! – настаивал он.

Лидочка успешно справлялась с работой и всегда привлекательно выглядела – это была уверенная в себе, быстрая на улыбку девушка. Инна ловила себя на том, что иногда завидует легкости, с которой Лидочка смотрит на людей вокруг и на свое отражение в зеркале. В ее возрасте сама Инна еще была полна комплексов.

Комплексы мешают.

В любой период жизни.

Всем.

Со своими Инна сражалась, порой как с ветряными мельницами, достигнув определенных успехов. Но, глядя на подошедшую к ней девушку, она задалась вопросом, сложилась бы ее жизнь иначе, если бы она, как Лидочка, была уверенной в себе в восемнадцать лет? Двадцать? Двадцать пять?

Вопрос без ответов...

– Степан Борисыч попросил проверить вот этот отчет и зайти к нему к пяти часам.

Инна кивнула, взяв из рук секретаря документы. Она ждала их появления на своем столе, потому еще пару

дней назад говорила Заму, что в отчетах есть ошибка. Зам не поверил.

– Инна Сергеевна, – Лидочка застыла в дверях. – Какая вы молодец, что купили эту помаду! Она вам так идет! Очень красиво!

Улыбнулась, получила в ответ улыбку Инны вместе с искренним «Спасибо» и исчезла.

Вот такая она – Лидочка. Секретарь Генерального. Лицо фирмы.

Уверенные в себе люди легко делятся комплиментами. Как маленькими конфетками с начинкой из хорошего настроения.

Инна открыла документы и стала сверять цифры в таблицах.

Привычно, спокойно...

Только мысли все время убежали прочь от листов с тонкими колонками и короткими разъяснениями.

Может, потому что Лидочка сказала о помаде на губах, которая, по словам девушки и если верить отражению в зеркале, так идет Инне?

...

Парнишка и мир, в котором он живет, все-таки не были сновидениями. Снов наяву не бывает, а «путешествия» слу-

чались не только по ночам. Иногда во время игр с куклами, сестрой или друзьями во дворе Инна вдруг оказывалась в совершенно ином месте.

Это мог быть луг, просторный двор, улица незнакомого города или какая-нибудь комната. Но стоило повернуть головой, и всегда находился парнишка с черным вихром и серыми глазами. Инне открывались кусочки его жизни, то очень короткие, на один быстрый взгляд, то длинные, в которых хватало времени осмотреться. Каждый раз девочка возвращалась обратно в тот же самый момент, из которого отправилась в «путешествие». Окружающие не замечали ничего необычного, только самой путешественнице требовалось немного времени, чтобы прийти в себя.

Особенно часто Инна оказывалась на зеленом лугу.

Парнишка либо сидел к ней спиной, разглядывая что-то впереди себя, либо жонглировал, лежа на траве. Если сидел, то Инне оставался небольшой выбор – смотреть на спину или на равнину. Ничего интересного в увеличивающихся по размеру, но не менявшихся по стилю костюмах парнишки не было. Да и впереди по холмам расстилалось одно и то же зеленое полотно. Его положили неровно, со складками, а потом и вовсе задрали вверх, превращая в блекло-зеленые горы.

Красиво. Но Инне не нравилось на них долго смотреть.

Зато парнишка мог делать это бесконечно.

Скучно...

Если повторялось «путешествие к спине» то, недовольно скривив лицо и даже показав язык (все равно никто не видит), Инна опускалась на корточки и играла с травинками. И думала о лете на даче у бабы с дедой. С такой же сочной зеленью и клубникой, со смородиной (черной, красной и даже белой!). С уютным стрекотом сверчков под мурлыканье радиоприемников. С полной комаров речкой и с надоевшим фруктовым мороженым...

Тогда как хотелось пломбира! Интересно, в мире этого нудного мальчишки существует пломбир?

Думала, думала Инна.

И один раз даже заснула от скуки...

Солнце над головой было ласковым, трава под руками мягкой, как бабушкин плед...

Гораздо веселее было попасть на луг, когда парнишка жонглировал.

Он лежал в траве, раскинув руки, и над ним крутились яркие мячики. словно часть цветов из травы взлетела в воздух.

С годами, кроме мячей, взлетят совсем другие предметы: ножи, плоские металлические звезды с острыми концами, способными проткнуть глаза, железные шары, похожие на ежей.

Иногда, не сдержавшись, Инна будет визжать от страха. И так же громко смеяться, когда вперемешку с мячиками

затанцуют обрывки из школьных тетрадей, книги, какие-то круглые стекла, похожие на лупы, башмак, чей-то парик, рыжий котенок. Рыжику понравится летать. Он будет ловить лапами бумажные шарики и сбивать их на грудь жонглера.

Придет время, когда Инне захочется думать, что черноволосый парень не просто так ищет уединения на зеленом лугу, а красуется. Выпендривается перед невидимой зрительницей, как это делают мальчишки перед понравившейся девочкой.

Да, Инне захочется так думать и мечтать.

Тогда как Дерик О'Брайен, скорее всего, просто любил побыть один и отрабатывал трюки, чтобы забавлять своих знакомых.

Имя парнишки стало известно случайно, но к этому времени оба – и он, и наблюдавшая за ним девочка – каждый в своем мире уже проучились несколько лет в школе.

Когда гораздо позже ее дети стали читать Гарри Поттера, Инна проглотила вместе с ними все семь томов, замирая с каждой последующей книгой от скапливавшейся среди листов черноты, и от того, что рассказ, начавшийся детской и не такой уж увлекательной сказки, превращался в жесткое, захватывающее фэнтези для взрослых. Читатели росли вместе с героями, менялись их вкусы. Или входила во вкус сама

писательница.

В первых книгах, в которых все еще было забавно и не слишком серьезно, Инна искала совпадения с той школой, которую видела в своих «путешествиях». Находила.

Но очень и очень мало.

В мире Дерика О’Брайена преподаватели не носили остроконечных шляп и длиннополых мантий, не имели огромных ушей или громадных глаз – они походили на вполне обычных преподавателей Университета.

Инна никогда не видела летающих метел. А вместо квиддича ученики играли в матерчатые мячи и забавлялись левитацией. Жонглирование тяжелыми или опасными предметами считалось среди них достижением и предметом гордости. Поэтому на зеленом лугу кувыркались в воздухе металлические ежи и острые ножи.

Повторить трюки Дерика решались немногие из его школьных друзей. Кроме возможных травм, за это полагалось наказание.

Не видела Инна и огромных чанов для приготовления отваров и зелий. А также самого главного – волшебных палочек!

В мире, в котором она подглядывала за одним человеком, чудеса творились руками и мыслями. Из-за этого, наверное, все казалось более серьезным и... обыденным.

Такие же уроки, на которых ученики зевали. Мальчишки кидали в понравившихся девчонок бумажными шарика-

ми (не используя рук). Кроме шариков существовали и другие забавы для привлечения внимания, например, оживающие в воздухе картинки. Как ни боролись с этим учителя, школа заполнялась фантомами животных, способными расшуметь или напугать. Особой популярностью пользовался невидимый клей, от которого можно было прилипнуть к стулу или стене, как в игре прилипали к рукам матерчатые мячики.

С начальными классами были связаны, пожалуй, самые лучшие воспоминания Инны. Иногда во время скучного объяснения учителя девочка вдруг отправлялась в «путешествие» и попадала совсем в другой класс на совсем другой урок. Или она оказывалась в неуютных коридорах огромного здания чужой школы. Часто – в кабинете директора, вместе с родителями Дерика. Изредка – в просторной комнате корпуса для мальчишек. Во дворе.

Этих разрозненных моментов хватало, чтобы сложилось представление о жизни школьников и о самом Дерике. Парень по-прежнему оказывался участником всех драк. А еще ему нравилась девочка с прямыми белоснежными волосами. Она была слишком красивой и напоминала живую куклу. Но не только ровными чертами и безупречным цветом лица (в то время как у самой Инны уже начинали вскакивать назойливые прыщи), а тем, что даже стороннему зрителю казалась глупой и скучной.

Наблюдать за ухаживаниями Дерика было весело – Инна не сомневалась, что причина его симпатии к этой девочке крылась в том, что она нравилась всем, и борьба за ее внимание превратилась для мальчишек школы в соревнование. А черноволосый парень хоть и потерял вихор, безжалостно состриженный невидимым парикмахером, но дерзость и вызов остались в его глазах.

Внимание белокурой красавицы Дерик привлек, когда спалил часть коридора, пытаясь вырастить у нее на глазах феникса. Правда, сам потом спас от огня и девочку, и кабинет, полный каких-то колб и пробирок, залив все вокруг дождем. На глазах хохотавшей Инны Кукла превратилась в мокрую курицу. Жаль, что то «путешествие» закончилось слишком быстро.

Понеся наказание и заслужив симпатию блондинки, Дерик забыл про нее. Он вдруг перестал быть участником всех драк и шалостей и увлекся учебой. С тех пор посещения кабинета директора стали редкими, если только для получения знаков отличия. Создавалось впечатление, что О’Брайен задумал стать не просто лучшим учеником школы, но и лучшим за все времена ее существования. Или он увлекся каким-то проектом, о котором никто не должен был знать.

В одно из своих появлений невидимая гостя оказалась недалеко от доски, на которой суровый учитель военного искусства написал имя победителя соревнований (или чего-то иного, дававшего право на сдержанные рукоплескания со-

бравшихся).

Удивительно, но Инна смогла прочитать незнакомые буквы, а потом увидела, как в аудитории поднимается черноволосый парень с глазами цвета пасмурного неба.

Дерик О'Брайен.

Один из десятков щелчков мышкой – и вдруг вместо ожидаемого действия ничего не случается. Щелчок, еще щелчок, с каждым разом все более настойчивый, более раздраженный – на экране застыл такой важный документ! И приходится срочно звонить программистам.

– Что у вас опять случилось, Инна Сергеевна? – Олег Панин появляется в двери уже через несколько минут.

Пришел быстро, а слова растягивает, будто спит на ходу. Он всегда такой: похож на скромного увальня, в то время как в его голове работает суперсовременный компьютер.

– Умная техника обладает вредным характером, – Инна встала со своего места, уступая его программисту, и отошла к окну.

– Вот и не надо с ней ссориться, – гнусаво пробурчал за ее спиной Олег и застучал, застучал пальцами по клавишам. Завел только ему и компьютеру понятный диалог.

Олег был симпатичным. Даже более чем – чертами лица он напоминал актера Тихонова. Но привычка растягивать слова и немного гнусавить отразилась даже

во внешности – опустили уголки рта, красивые глаза парня казались всегда слегка прикрытыми. Ширина плеч терялась из-за сутулости. Панин являл собой наглядный пример, какое большое значение имеет осанка и мимика лица.

Несмотря на внешнюю инфантильность, Олег был счастливо женат, в меру общителен. Любил посиделки на работе и танцы на корпоративах, а еще – выпить вместе с водителями после работы пива.

Уникумом Панин слыл не потому, что прятал в своей голове суперкомпьютер, а за то, что, получив высокооплачиваемую работу в Штатах, вернулся через год обратно в ту же фирму, откуда уходил после торжественных проводов.

Не было человека в окружении Олега, кто не пытался выяснить причин подобной преданности родине. Из Америки программиста не прогоняли, более того – до сих пор звали обратно.

Панин отвечал любопытным с робкой улыбкой:

– У них же там после работы даже не с кем пивасика выпить...

Услышав подобное объяснение, Лидочка даже предложила Генеральному выплатить водителям премию за возвращение Управлению такого ценного кадра, как Олег.

Который, не стесняясь никого, играл на работе в компьютерные игрушки, исчезая в виртуальном мире.

Как Инна в своем.

Только ее виртуальная реальность существовала задолго до того, как компьютеры, перестав быть чудом, появились в каждом доме и в каждом кабинете, став неотъемлемой частью рабочего стола. Повседневность превращает в обычные вещи даже самые большие чудеса.

Обычным стало то, что Дерик, сменив школу на Университет, научился открывать порталы (слово «портальщик» Инна подобрала значительно позже, в книгах романтического фэнтези). Что О'Брайен мог не только удерживать в воздухе мелкие предметы, но и перемещать более крупные. Как и его близкий друг, который находился рядом достаточно часто, чтобы она могла сделать вывод об их отношениях. Не казались странными люди, обладавшие способностями изменять свойства предметов или же повелевать животными. Мир Дерики О'Брайена, наполненный чудесами, перестал изумлять, став для Инны обыденным. Она просто представляла, что находится в цирке, где талантливые иллюзионисты выступают для единственной зрительницы.

...

Выпускной год запомнился Инне венками из кленовых листьев, которые она плела с подругой в парке, куда весь класс отправили вместо уроков собирать опавшую листву.

Вьюгой, кружившей снежные хлопья под музыку итальянской эстрады. Охапкой майской сирени, которую перед последним звонком наломал в соседнем дворе Гришка, а Инна раздала пушистые фиолетовые свечки младшей сестре и соседке по балкону – милой старушке Миле Ивановне.

Гришка был все такой же рыжий, с конопушками на носу, и совершенно не похожий на жениха, хоть и стал намного серьезнее, отслужив год в армии. Одевался он небогато, но всегда аккуратно, и учился на втором курсе мединститута.

И хоть сердце девушки распирало от переполнявшей его любви, для Гришки место в нем было только среди друзей.

Влюблена Инна была в учителя истории, который превращал уроки в увлекательный спектакль, заставляя даже самых отъявленных двоечников с интересом смотреть в сторону доски.

В новую музыку – резкую, с жесткими, не всегда понятными, но казавшимися очень правильными, текстами. В новые слова, которые добавлялись в язык едва ли не каждый день. В старшего брата одноклассницы Ирки, потому что он играл в баскетбол и был самым высоким из всех знакомых.

В свою молодость.

В саму жизнь.

К Дерикю в тот год Инна «забегала» редко и не надолго.

На тренировочном поле она находила его ладную фигуру среди других студентов, проверяя, нет ли на О’Брайене кро-

воточащих царапин или длинных синяков от неудачных перемещений. Не было. Только капельки пота стекали по лбу и вискам, и довольно блестели серые глаза.

В темных или светлых аудиториях Инна отмечала сосредоточенный взгляд Дерика и качала головой – парень оставался серьезным и собранным, тогда как ей самой хотелось прочь из всех стен. На улицу – неважно, какая стоит погода, в киношку – неважно, на какой фильм, лишь бы его показывали во время уроков.

Но нет, Дерик О'Брайен все учился, учился и учился.

Так что чаще всего Инна «забегала» в библиотеку. Причем не только в обычные для посещения часы, но и когда в царстве книг никого не должно было быть. Свое присутствие Дерик скрывал от случайных глаз, развешивая в воздухе сигналки. Напоминая небольших медуз, они висели в воздухе, как в толще воды, и едва заметно шевелили своими телами-юбками.

В те времена, когда О'Брайен вместе с друзьями увлекался опасными забавами, Инна насмотрелась на подобные сигналки и даже научилась определять по их цвету создателей. Медузы Дерика мерцали насыщенно-голубым – как небо над зеленым лугом.

Не доверяя одним сигналкам, ночной посетитель библиотеки прислушивался к каждому звуку вокруг. Инна прислушивалась вместе с ним.

Хоть и совершенно ничего не могла услышать.

Зато она мечтала заглянуть в особые книги, которые можно читать только когда никто об этом не знает.

Невероятно! Но каждый раз Дерик оказывался спиной к тому месту, где появлялась шпионка из другого мира, не оставляя ей и шанса что-либо увидеть за ставшими достаточно широкими плечами.

Это выводило девушку из себя. Она и так забежала к О'Брайену ненадолго. В царстве книг ей не разрешалось даже шагу ступить, разве только вытягиваться на носочках, пытаясь стать такой же высокой, как брат Ирины. Но все ее усилия были напрасными!

Несмотря на краткость «путешествий» Инна успевала и рассердиться от бесплодных попыток, и поскрипеть зубами, и даже подумать, что Дерик неспроста закрывает собой книги – что он придумал особую сигналку даже от невидимых зрителей.

Один раз! Только один раз получилось дотянуться любопытным взглядом до страниц.

Дерик вдруг выпрямился, отодвигаясь от стола, и облокотился на спинку стула, давая Инне возможность заглянуть через его плечо. На пожелтевших страницах было такое! Девушка залилась краской и тут же вернулась из библиотеки на урок физики в своей школе. И хоть в кабинете было холодно из-за ветра, проникавшего сквозь щели плохо заклеенных оконных рам, щеки у Инны горели до самого звонка. А еще ее не покидало ощущение, что поспешное бегство со-

провождал смех.

Глупость какая... Она же ничего не могла слышать!

...

Привычный ход вещей нарушился неожиданно – в день выпускного Инны. Девушка уже успела воспользоваться маминой тушью, оценив длину своих ресниц. С непривычки накрашенные глаза показались ей огромными и влажными, как у коровы. Блеск предвкушения, словно лупа, увеличивал зрачки. Но разве можно не волноваться перед первым почти настоящим балом! Все девчонки сменяют скучную, надоевшую школьную форму на красивые платья.

И хоть платье самой Инны получилось слишком простым, потому что на более интересный фасон не хватило отреза ткани, это не смогло испортить ей настроения. Внизу у подъезда торчал Гришка с белой розой в руках. Глупый.

Инна уже договорилась с братом Ирины.

Влюбленность в баскетболиста, слишком уж похожая на какое-то книжное чувство, прошла. Остались в прошлом редкие прогулки за ручку по вечернему городу, даже без поцелуев – короткий чмок в губы не в счет. Но парень был высок и представительно смотрелся в качестве кавалера на бал, да и ему самому хотелось попасть на выпускной сестры, так что союз на вечер получился взаимовыгодным.

Бросив на себя последний взгляд в зеркало, Инна открыла

дверь и шагнула на лестничную клетку – чтобы оказаться на балу!

Только не том, на котором ждали ее появления. Девушка стояла в громадном зале со стройными колоннами и таким высоким потолком, что приходилось задирать голову, чтобы увидеть хрустальные лампы, свет которых наполнял все вокруг волшебным блеском. Светлые стены украшали драпировки из тканей теплых пастельных тонов.

Инна едва не завизжала от восторга: пару раз она уже бывала на проводившихся в этом месте торжествах, и совпадение показалось ей восхитительным! Ведь Инна сама вот-вот окажется на балу! Пусть не на таком сказочном, устроенном всего лишь в актовом зале школы, но тоже с блестящими гирляндами. Будет звучать музыка. Будут танцы.

Так как все последние «путешествия» выходили короткими, девушка поспешила пробежаться взглядом вдоль стен и колонн в углах в поисках Дерика. Подобные торжества он проводил в разговорах с друзьями, даже не поворачиваясь к центру зала. Но на этот раз в привычных местах парня не было. Инна рассеянно скользила взглядом по кружившимся парам, пока не остановилась на одной из них.

Дерик танцевал! Его руки лежали на тонкой девичьей талии. На лице парня светилась улыбка. Сверкала она и в серых глазах, направленных на партнершу. Инна не могла слышать, но казалось, в ее ушах звучит смех: легкий и звонкий – женский, немного резкий и густой – мужской.

Нервный вдох – и перед глазами снова оказался пролет лестницы, ведущий к окну. Знакомая подъездная площадка стала вдруг крошечной, из страны Лилипутов, белый потолок опустился на плечи, которые почему-то потянуло вниз.

Инну саму тоже потянуло вниз – по ступенькам. Один пролет, второй, третий... Выскочив на улицу, она налетела на Гришку. Тот неловко взмахнул рукой, и роза, едва не попав в лицо девушке, запуталась шипами в ее волосах. Гришка испугался и долго извинялся, пока неуклюже доставал цветок из прически выпускницы.

«Глаза у Гришки голубые. Голубые, как небо летом», – подумала Инна, не заметив, как из ее собственных глаз скатилась слезинка.

На выпускной она пошла и с Гришкой, и с братом Иры, но первый бал потерял налет торжественности. Украшения в зале выглядели безвкусными, речи учителей звучали пафосно, еда на сдвинутых вместе партах казалась пресной.

Танцы! Вот танцы Инне запомнились, потому что она не пропустила ни одного, и под утро шла домой босиком, размахивая зажатými в руке босоножками.

Шла одна.

Высокий баскетболист провожал домой другую выпускницу, а от Гришки Инна сбежала. В этом по-осеннему тусклом рассвете ей хотелось побыть одной.

Глядя на лениво просыпавшийся город, девушка гадала, какое из блюд на сдвинутых вместе школьных партах оста-

вило во рту чувство горечи? И жжение... Наверное, в желудке... Не в сердце же.

Инне понадобилось время, чтобы найти правильное определение неприятным чувствам.

Горечь и жжение возвращались каждый раз, когда она видела Дерика рядом с невысокой светловолосой девушкой. Хрупкой, симпатичной, улыбчивой, уверенной в себе. О'Брайен так часто теперь бывал рядом с ней!

Хорошо, что Инна никогда не становилась свидетельницей жарких объятий и, тем более, поцелуев... Почувствовав перемещение, она закрывала глаза... на всякий случай. И открывала их очень осторожно, готовая в любой момент зажмуриться.

Ну как? Как можно ревновать героя фильма?

Но что, если фильм бесконечен? Пусть немой, пусть урывками и несвязанными сценами – их оказалось достаточно, чтобы знать о главном герое больше, чем, наверное, известно его родителям и друзьям? Знать настолько много, находиться рядом настолько часто, что невозможно избежать чувства, что Дерик О'Брайен существует на самом деле. Что они с Инной знакомы.

К тому же ей всегда нравилось смотреть на Дерика. Не только подглядывать за ним, а именно смотреть на него. Он выигрывал перед всеми знакомыми со двора и школы.

Ни в какое сравнение с О'Брайеном не шел Гришка, хоть и стал, несмотря на рыжину, выглядеть вполне представитель-но. Проигрывал Дериду Роман из последнего подъезда, ко-торый считался самым стильным парнем во дворе. И долго-вязый баскетболист. И все ребята из бывшего класса.

Так что, копаясь в себе и знакомясь со вкусом ревности, Инна была вынуждена признаться, что давно уже испытыва-ла симпатию к собственному видению.

...

Завалив вступительные экзамены, Инна пошла работать в вычислительный центр. Громадные шкафы размером с ком-нату, которые ей надлежало караулить, были даже не пра-родителями современных компьютеров, а неудачной вет-вью эволюции – неандертальцами кибернетики. Под их раз-мерный треск девушка впервые подумала, что ее «путеше-ствия» – зло, потому что немое кино становилось частью ре-альной жизни. С некоторых пор каждый новый эпизод жиз-ни Дерика был неизменно связан с видимым (или пропи-тан невидимым) присутствием его девушки. И после каждо-го «путешествия» невольную зрительницу охватывала рев-ность. Ревность оставалась с ней после возвращения в реаль-ный мир и, заставляя слишком часто думать о несуществую-щем парне, приводила его за собой в повседневность, влияя если не на поступки Инны, то уж точно на ее настроение.

За окнами капризничала осень, по-особому хмурая, уны-

лая. Вечно простуженная. В то время как знакомые Инны учились в институтах, обрастая новыми друзьями и приятелями, сама она, казалось, обростала плесенью под гулкие низкие звуки, выдававшие, насколько тяжело было думать огромным шкафам.

На таком скучном фоне мир О'Брайена казался чересчур ярким. Он и так был переполнен красками, а теперь его и вовсе слепили улыбки Дерика и непривычный блеск его глаз.

Парень забыл дорогу в библиотеку, проводя свободное время на улицах и людных площадях большого города, в зеленых парках и полном чудес лесу. Он бывал во всех этих местах не один, а со своей девушкой, ее рука – в его руке. Или его рука – на ее талии. Ради светловолосой красавицы О'Брайен открывал порталы к живописным водопадам и золотым рощам. Он снова нарушал правила и во время какой-то церемонии расцветил университетский двор праздничным фейерверком. Но, падая на землю, на головы и плечи собравшихся, яркие искры превращались в обрывки пестрой мишуры и засыпали все вокруг. Случился скандал. Дерик получил наказание. Только на этот раз не потерял интереса к своей девушке, как когда-то к Кукле. Наоборот, они стали ближе. Настолько, что Инна зажмуривала глаза, как только начинала чувствовать, что вместо бледно-серых шкафов увидит нечто иное и не желая смотреть на объятия и поцелуи.

Да, она ревновала Дерика О'Брайена к его светловолосой

девушке! Сильно ревновала!

Но однажды вечером после незапланированной вечеринки Инну ждало еще более беспокойное открытие.

Вечеринка эта проходила в просторной трехкомнатной квартире, и девушка была случайной гостьей, как и большинство собравшихся. Стоило войти в заполненную дымом и музыкой гостиную, как Инна встретилась взглядом с темноволосым парнем. Через пару минут он уже стоял с ней рядом и спрашивал имя.

– Иней, значит! – проговорил он, пропуская локон ее светлых волос сквозь пальцы. Улыбка горела на его губах и в серых глазах.

Оказавшаяся поблизости подруга Инны подхватила слово «иней». Попробовала на вкус вместе с клубничкой в бокале Советского шампанского. И запомнила навсегда.

Парня звали Виктор, и в тот вечер он больше не отпустил Инну от себя. Словно боялся, что новая знакомая заблудится в незнакомой квартире. Только она и сама не спешила уйти. С Виктором легко было разговаривать, еще легче – смеяться. Он пел девушке песни на английском и танцевал с ней весь вечер. А потом вызвался проводить домой.

В пустом подъезде было по-особому неуютно.

Несмотря на стылые ночи, в доме еще не включили центральное отопление.

Наступило время, когда все жители превращаются сначала в гусениц, потому что холод в квартирах затормаживает движения, а потом в куколок, напяливая на себя теплые свитера или пушистые одеяла. Время сближения, потому что хочется прижиматься другу к другу на диване, глядя в экран телевизора.

Или, стоя в подъезде, прислониться вдруг к высокому парню, пряча лицо в меховой отворот его кожаной куртки. Потом почувствовать, как его осторожные пальцы касаются щек, а следом – как мужские губы впервые нашли твои! Немного странно. И даже, наверное, в первый момент неприятно. Но потом...

У Виктора явно имелся опыт!

Первый настоящий поцелуй Инны тоже стал путешествием в неизведанный мир. Позволив сделать открытие, что ощущения в губах связаны с другими частями тела: с ногами, показавшимися вдруг ватными, со ставшими горячими и влажными ладонями. С сердцем, затрепетавшим от волнения в груди. Девушку захватили волнующие и беспокойные чувства. В них дышало обещание непознанного, они будили неведомые ранее желания...

Поцелуй длился и длился... пока не вышла на прогулку соседка с лохматой собачкой.

Инна вырвалась из объятий Виктора, понеслась на четвертый этаж, прижимая руки к раскрасневшимся щекам, влетела в квартиру. Мама и сестра сидели на кухне (в очень важ-

ном объединяющем месте, особенно пока не включают отопление). Родные уже оборачивались в сторону входной двери, так что, уронив торопливое «Я дома», девушка заскочила в ванную комнату, закрыла на щеколду дверь и вцепилась руками в холодный фарфор раковины, пытаясь совладать с бурлившими внутри нее чувствами.

Такое смешение! От него хотелось одновременно и плакать, и смеяться. А потом Инна подняла голову и увидела в зеркале свое отражение: рассыпавшиеся по плечам русые кудри, цвет которых обычно казался ей скучным, сверкали золотом. Миндалевидные светло-голубые глаза притягивали взгляд своим блеском. Как и покрасневшие, немного припухшие губы.

Смотревшая из зеркала незнакомка была очень красива в этот момент впервые испытанного девичьего счастья!

Только Инна вдруг узнала в ней черты совсем другой девушки.

Яркой, самоуверенной. Признанной красавицы школы.
В которую был влюблен Дерик...

Жар, охвативший после этого открытия все тело, спалил Инну дотла.

И на следующий день она не пошла на встречу с Виктором.

И на следующий... Хотя была уверена, что он будет ждать.

Девушка едва успела спрятаться, когда на третий день, возвращаясь домой, увидела парня рядом со своим подъездом и ушла ночевать к подруге. А на четвертый – Виктор уехал. Он был в городе проездом, в гостях у друга, и таким же случайным участником вечеринки, как и Инна.

Через месяц на ее имя пришло письмо с заграничными марками и нераспечатанным попало в мусорное ведро.

Вскоре после этого семья Инны переехала на другую квартиру. Чуть больше, чем старая, но такую же тесную, хотя бабы с дедой давно уже не было.

Прошли годы, прежде чем Инна честно призналась сама себе в свершенной глупости. В том, что испугалась не только своего отражения в зеркале. Увидев в себе черты девушки Дерика, она поняла, чем ее привлек Виктор: у него были непослушные черные волосы и серые глаза с примесью синевы... А сделав подобное открытие, не захотела, чтобы иллюзии определяли настоящую жизнь.

Но что, если тем самым она позволила им лишиться ее шанса на счастье? Так думала иногда Инна.

Позже...

В восемнадцать лет она согласилась встретиться с Гришкой.

От волнения рыжий поклонник сначала немного заикался, и это было забавно, но потом он разговорился и весь вечер развлекал Инну интересными рассказами, очень трогательно за ней ухаживая. Так что первое свидание прошло

успешно, оставив приятное послевкусие.

На втором Инна рассмотрела, что голубые, как летнее небо, глаза Гришки – красивые. На третьем – познакомилась с его друзьями по мединституту и влюбилась в бесшабашную тусовку будущих эскулапов.

После четвертого свидания парень обрел свое настоящее имя и мог уже обнимать Инну.

Гришку звали Вадим. Вадим Гришаев.

...

Начиная отношения с Вадимом назло неизвестно чему, Инна позволила себе греться в теплых волнах его внимания, растворилась в веселой компании медстудентов, принимавшей ее за «свою», и незаметно для себя увлеклась своим рыжим поклонником. С Гришаевым было легко, понятно. Как у всех! Романтическая дружба все больше приобретала форматы влюбленности и приносила удовлетворение, помогая забыть испытанные недавно беспокойные чувства.

Даже во время «путешествий» Инна теперь почти безразлично наблюдала за Дериком и его девушкой. Она просто зажмуривалась, когда они тянулись губами друг к другу, и ждала, пока услышит звуки вокруг, означавшие возвращение в свой собственный мир.

Но однажды Инна стала свидетельницей того, как Дерик опустил перед своей избранницей на колени. И не где-нибудь, а на том самом зеленом лугу, на котором раньше всегда

бывал один.

Вернее, не так! Раньше он очень часто бывал на нем с незримой гостьей!

Инна вырвалась из видения, как из летящего поезда – на ходу. И ответила «Да» на предложение Вадима выйти за него замуж.

С нее было достаточно иллюзий! Она хотела обычной, понятной жизни.

Обычного, понятного счастья.

Как у всех!

Сигнал сообщения раздался из сумочки, где в рабочее время оставался телефон. Но, как все, подсевшие на средства мгновенной связи, Инна не смогла проигнорировать требовательный призыв. Неважно, громкий или едва различимый, он способен прервать размышления, нарушить ход мыслей, остановить разговор. Поражительная власть над человеком короткого звука, всего одной ноты. Связывающая его волю.

Инна вяло поборолась с зависимостью, еще несколько секунд продолжая смотреть на экран компьютера, и проиграла – потянулась к сумочке, выудила из него телефон.

На экране высветились три слова: «Завал на работе». За ними – целая строка из смешных рожиц, цветка,

сложенных рук.

Перевод «Мамусь, люблю. Не обижайся» Инна сделала сама и с едва различимым вздохом бросила телефон обратно в сумку.

Взгляд сам собой остановился на пустом столе напротив. Соседка Инны по кабинету, второй экономист, Влада Михайловна, была в отпуске.

Отпала необходимость обмениваться замечаниями о погоде, задавать вопросы, на которые даже не ждешь ответа, выслушивать сплетни о сотрудниках...

Еще недавно Инна мечтала о нескольких днях без всего этого, но сейчас поймала себя на мысли, что не рада одиночеству.

Оно способствовало работе, но высвобождало время на мысли и давало волю воспоминаниям. От них и так сложно спрятаться, когда перед глазами горит число на календаре, но их можно прервать теми самыми неважными разговорами. Кроме того, в присутствии Влады Михайловны, которая была на четыре года моложе, но казалась на пять лет старше, Инне было бы неловко думать о своей тайне. Словно соседка могла о чем-то догадаться и осудить.

Зато в тишине наполовину осиротевшего кабинета воспоминания получили зеленый свет и двигались широким потоком.

...

О собственной свадьбе они остались сумбурными и, наверное, не теми, которые положено хранить от такого дня.

Платье было неудобным и жарким. Невеста опоздала в ЗАГС из-за парикмахера, слишком долго укладывавшего ее волосы в прическу. Обычно послушные, в то утро они не желали слушаться, рассыпаясь в разные стороны. Инне было уже все равно, как она выглядит. Ей вовсе не хотелось праздничной суеты, множества гостей, шумного застолья, но родители молодых настояли на торжестве.

Немилостиво палило солнце, приготовив сотни раскаленных лучей для всех семи мостов городов.

Пока Вадим нес свою жену через самый маленький из них (красный, каменный – спасение всех женихов), Инны чувствовала влажное тепло его рук сквозь ткань платья.

Стол в уютной столовой ломился от салата оливье.

Оливье. Оливье. Оливье. Почему запомнился только один этот салат?

Громкий голос тамады резал уши. Как старую пластинку его заклинило на слове «Горько». И, может, оттого, что все хорошо в меру, слишком частые поцелуи на потеху гостям показались Инне горькими.

Вадим не выпускал ее из объятий, отчего становилось еще жарче.

Но молодой муж был так искренне счастлив, что Инна горела в огне его чувств тоненькой свечкой и терпеливо ждала,

когда же закончится этот бесконечный день.

Все-таки Вадик переволновался и выпил лишнего. Первая брачная ночь превратилась для обоих в неловкое испытание. Но, как ни странно, сблизила молодых больше удачной близости и печатей в паспортах. Когда под утро супруги засыпали в объятиях друг друга после взаимных заверений, что все между ними будет только лучше, и они непременно будут счастливы, Инна искренне в это верила. Пусть она никогда и не забывалась от поцелуев мужа, не улетала от них из холодного подъезда на небеса, совершенно иначе чувствуя собственное тело, она верила в свое счастье с Вадимом – обычное, как у всех.

Молодость и пробужденные потребности молодого здорового тела решают множество проблем (или скрывают их). Так что после неудачного первого раза интимная жизнь медленно наладилась, вполне устраивая обоих супругов. К тому же в то время не принято было обсуждать, как и что, и что не так, и считать, что каждый супруг имеет почти непреложное право на удовлетворение.

Первые годы замужества Инны все-таки были счастливыми. Она поступила на экономический факультет. Молодым супругам, двум студентам, сбежавшим от родителей в крохотную хрущевку, приходилось непросто. Но трудности сблизжали и не оставляли времени задумываться – а возможно ли по-другому. Рядом с Гришаевыми были друзья – та-

кие же молодые, вечно голодные, пьяневшие от молодости и веры, что все самое лучшее впереди. Вместе с ними в это верила и вся страна, превратившись в несдержанного юношу, который то распахивает душу незнакомцам, то ссорится с друзьями и ломает, ломает привычные устои, уверенный в том, что построит что-то лучшее.

Димка стал серьезным последствием мелкой оплошности, и первую летнюю сессию Инна сдавала, пугая преподавателей размерами живота. Ее сын родился в ночь после последнего экзамена.

Легко. Летом. Лучший подарок!

Молодая мама посмотрела на сморщенное детское личико, и на несколько мгновений невидимые крылья унесли ее вместе с ребенком из стерильной комнаты и от чужих людей в небеса – туда, где они могли впервые разглядеть друг друга. Синие глаза сына еще плохо видели, так что он смотрел сердцем. Инна была его Вселенной.

Вадик настаивал на имени Михаил, бабушки на имени Сережа.

Но мальчика назвали Дмитрий, как хотела счастливая мама.

Одна буква... С которой начиналось другое имя...

Случайность?

С началом учебного года родителям-студентам стало еще

сложнее. Бессонные ночи, горы пеленок, что сушились на палках, торчавших из окон хрущевки. Поездки с малышом в руках от одной бабушки к другой... Но Инне хватало улыбки сына, чтобы забыть усталость. Его ручонка, сжавшая ее палец или прихватившая локон волос, заряжала ее энергией. Зато Вадим все чаще казался раздраженным. Чтобы он смог закончить мединститут, Инна перевелась на заочное.

Было трудно? Да. Но у нее все получалось. Она умудрялась совмещать семью и учебу, ее оценки оставались высокими. У Гришаевых находилось время на встречи с друзьями.

В те годы не случалось «путешествий». Совсем. Словно сработал невидимый тумблер. Фильм закончился. Даже воспоминания о его главном герое не находили пути в повседневность, в которой не было места видениям и несуществующим персонажам.

Первый семейный кризис случился, когда Димка пошел в детский сад. Вадим уже работал хирургом в Областной больнице. Он стал вдруг все чаще задерживаться после смен, иногда таксовал в свободное время. В появившейся в их отношениях прохладе Инна винила себя. Она была не слишком внимательной к мужу, посвятив всю себя сыну. Супружеские обязанности стали ей в тягость. А рядом с молодым хирургом находились ассистентки, лаборантки, медсестры. Вадим стал приносить на своих белых халатах едва различ-

мый аромат женских духов.

Инна так и не выяснила, была ли измена, или она почувствовала готовность мужа к ней – и никогда не стремилась узнать. Ревность вскипела внутри нее черной волной и оказалась похожей на чувства. Те самые, ради которых люди остаются вместе.

Состоялось несколько разговоров, утонувших в эмоциях, и напряженные выяснения отношений. Шепотом на кухне, чтобы не разбудить Димку, в ванной комнате, под шум льющейся из крана воды. Были слезы с обеих сторон, а также заверения, обещания, признания в любви (вслух опять только со стороны Вадима).

А потом секс. Горячий, яростный – там же, на кухне. В узкой ванной, в комнате, прикусив губы, чтобы не издавать звуков. На даче у знакомых, пока Димка играл дома с их детьми. Тот самый секс, о котором вдруг стало модно теперь говорить, вывешивая интимные отношения напоказ, как раньше простыни после первой ночи.

Результатом бурного всплеска физиологического счастья стала Светочка. И месяцы до ее рождения были медовыми в семейной жизни Инны.

Светочка – светлый лучик, Светлячок – улыбчивая, бойкая, дитя вспыхнувших чувств. Она собрала от родителей самые лучшие черты и во внешности, и в характере, и появилась на свет, чтобы научить всех любви.

Димку – делить свое собственное счастье и умирять эгоизм, которого в нем, избалованном вниманием мамы, было много, Инну – любить мужа, черты которого она видела в дочке, Вадима – собственных детей, не испытывая к ним ревности.

Так думала Инна. Так надеялась Инна, окунувшись в счастье новорожденного материнства – сладкое, пахнущее молоком, наполненное грустью. Потому что каждый день полон подарков – первая улыбка, первые слова, первые шаги – но означает отдаление. Вселенная ребенка становится больше лица матери, ее теплого тела, в ней появляется все больше места для новых вещей, впечатлений, умений. Каждое мгновение – открытие. Каждый шаг – вдаль.

Путь от рождения дочки и до ее первого дня в детском саду показался Инне еще более ярким, чем с сыном. Еще более коротким.

Светочка была, есть и всегда будет светлым лучиком. Но три человека рядом с ней оказались плохими учениками. Димка как был эгоистом, так и остался. При первой же возможности он ушел из дома и редко бывает в гостях, ограничиваясь звонками, или, как сегодня, смсками с забавными значками вместо эмоций. С сестрой и вовсе не разговаривает. Он слишком занят собой, и в его жизни нет места Свете.

Инна успокаивала себя тем, что со временем отношения между детьми станут теплее. Она ведь тоже не была рань-

ше близка с сестрой, зато теперь ежедневный звонок – пусть только обменяться парой слов – стал необходим ей, как завтрак.

Вадим как ревновал к детям, так и продолжал ревновать.

В этом глупом чувстве Инна снова винила себя. Своим первым криком дочка заявила права на сердце матери, в котором уже был Дима, и там почти не осталось места для Вадима. То, что объединяло супругов несколько месяцев, было миражом, коротким, хоть и ярким, видением.

Когда из несоответствий и недостатка чувств (с одной стороны) в молодой семье стали накапливаться разногласия, а из первых недомолвок выросло недоверие, когда повседневность сняла и так тонкий глянец с отношений супругов, Инна вспомнила Виктора. Как, встретив его, испугалась своих чувств, вернее, того, что они слишком напоминали ей о несуществующем человеке. Может это был ее шанс на счастье, которым Инна не воспользовалась? Зачем вспоминать? Жалеть о несостоявшихся отношениях слишком поздно.

– Иней! Ты куском льда скоро станешь! Пора растопить тебя горячим чаем, – в комнату зашла Варвара Евгеньевна из отдела кадров. В руках – телефон (куда без него), под мышкой – пачка печенья.

Гостья по-хозяйски огляделась и решительно направилась к шкафу, где на полке стоял электрический чайник.

– Давай, вылезай из-за стола. А то примерзнешь к нему... – скомандовала она и посмотрела на Инну то ли грозно, то ли с заботой (губы улыбаются, а брови хмурятся, вот и разбери...)

Она всегда такая, с детского сада.

Варька – Генеральша, подруга со двора.

Дом, где росла Инна, строился для военных, и у многих ее друзей дедушки или папы были офицерами. Но всеми девчонками двора заправляла Варя, дочка учительницы английского. Учитель – это, наверное, тоже почти генерал?

Именно Варя решала, кому есть песочные пироги, а кому их лепить, с кем дружить, а с кем ссориться. Командный голос смешивался у нее с даром убеждения и закреплялся опытом. Варя была старше остальных девочек на два года – вполне достаточно для того, чтобы заработать неоспоримый авторитет среди подруг.

В седьмом классе Генеральша вдруг постановила, что Инна станет ее близкой подругой, и так с тех пор и было.

С годами к дружбе добавлялось все больше связующих звеньев: Инна подружилась с будущим мужем Вари, когда еще училась с ним в одной группе в университете, стала свидетельницей на их свадьбе, крестной мамой первенца. Теперь еще и сотрудницей Вари.

Год назад, после затянувшегося на пятнадцать лет

декретного отпуска, Генеральша решила, что ей требуется социальная адаптация к нормальным человеческим отношениям и потребовала срочно ее куда-нибудь устроить на работу. Не слишком трудную. Связанную с людьми. Инна с готовностью помогла.

В отделе кадров Варька прижилась и уже начинала прибираться к рукам его женский коллектив, но каждый рабочий день около четырех часов приходила к своей подруге на чашечку чая.

Черного, с половинкой ложечки сахара. С блюдцем сплетен.

Варька была жуткой сплетницей. Но – бывает и такое – безобидной, потому что носила на шпорах своих генеральских сапог только беззлобные пересказы.

Инна пила чай, смотрела на ставшее почти родным лицо подруги и вспоминала вечера во дворе на лавочках в зарослях сирени, когда разговоры о первых поцелуях и парнях велись под звуки музыки, льющейся из окон студенческого общежития, что располагалось недалеко от дома.

Вспоминала летние дни на берегу речки или на даче родителей Вадика. Уютные посиделки под шепот костра, рядом с палатками. Запах шашлыков и печеной картошки.

(Варька тоже любила лето. Но уже много лет за-

ла подругу Иней. Это прозвище подхватили от нее общие знакомые. Инна привыкла, хотя поначалу слово холодило ей душу, даже под жарким полуденным солнцем навевая зимнюю грусть).

В памяти оживали дни рождения детей, их первый класс и выпускные.

Так много пройдено вместе или рядом! Варя знала об Инне все-все-все... Кроме ее тайны.

Мало того, что поделиться подобным во все времена дружбы казалось невозможным, Генеральша жила когда-то вместе с Гришкой на одной лестничной площадке и уже тогда определила его в женихи Инне.

И была без ума от Вадима после того, как он, по словам Варьки, виртуозно лишил ее аппендикса.

Мысли о странном мире, в котором существовал Дерик, вернулись, когда дети пошли в детский сад и в школу, а в повседневности появилось время для себя. Пусть его было немного, потому что молодая мама разрывалась между работой, садиком, школой, домом, но оно появилось.

Например, иногда вечерами Инна сидела на кухне и, как в старших классах, смотрела в темное окно, выходящее на городской парк...

В свете фонарей кружились снежинки, и мороз рисовал на стеклах, а Инне вдруг вспомнился зеленый луг, темноволо-

мый парень, который жонглировал ножами и яркими, похожими на мандарины, шарами. Он лежал на спине, раскинув в стороны руки, и улыбался, закрыв глаза. Над ним кружили и сверкали в лучах солнца острые лезвия и мягкие шары.

Кружили, кружили, завораживая металлическим блеском и оранжевым теплом. Словно маленькие солнца танцевали острыми жаркими лучами.

Застыли.

От неожиданности застыла и невидимая зрительница. Хлопнула глазами, когда ножи и шары дрогнули. Вскочила на ноги и громко закричала, когда они стремительно полетели вниз.

А потом увидела, что, пока маленькие солнца скатываются с широкой груди, острые лучи замерли в каком-то сантиметре от одежды Дерика.

Инна затопала ногами и еще раз закричала, выпуская напряжение от внезапного приступа страха. Парень позволил ножам свалиться рядом с ним в траву и громко захохотал. Счастливым смехом.

Так стали возвращаться отрывки из давно закончившегося фильма. Отдельными сценами. Вплоть до той самой, после которой их не стало. Когда Инна закрыла им путь. Согласилась на предложение Вадима. Вышла замуж. У нее росли двое замечательных детей.

Воспоминания не только возвращались, они разбавлялись

непонятной тоской, дополнялись вопросами, превращались в спрятанные под маской любопытства желания. Пока однажды в переполненном автобусе, по дороге из садика на работу, сжатая со всех сторон людьми в демисезонных пальто (в город робко начинала заглядывать весна), Инна снова не отправилась в «путешествие».

Ей потребовалось несколько мгновений, чтобы понять, что темнота плохо освещенного автобуса превратилась в полумрак огромного собора (сразу стало ясно, что это не простой собор, а очень и очень важный, как, например, недавно восстановленный в Москве), и что окружавшие ее люди одеты не в теплые и бесформенные одежды, а в строгие костюмы и изысканные платья.

Инна оказалась в первом ряду среди гостей какого-то торжественного события. Как и прежде, ее не замечали. Как и прежде, она ничего не слышала. Ей пришлось зажмуриться от неожиданности, а потом, открыв глаза, Инна догадалась, что попала на свадебную церемонию.

Незнакомой хорошенькой девушки и Дерика О'Брайена.

Незримой и незваной гостье понадобилось несколько мгновений для осознания увиденного. Сначала появилась мысль, что это не первая свадьба Дерика, вслед за ней – уверенность, что в подобном соборе судьбы людей не соединяются несколько раз. Потом среди гостей нашлась та самая, похожая на Инну молодая женщина, которая уже годы должна была быть женой О'Брайена! Только она стояла под руку

с незнакомым мужчиной и, улыбаясь время от времени своему спутнику, с интересом следила за церемонией.

Но как же... Дерик?

Сколько было ему лет? Тридцать?

Годы, как умелый скульптор, отточили и отшлифовали внешность мужчины, сделав его еще привлекательней. Лицо стало строже, отчетливее проступали линии скул, и еще сильнее выделялись серые глаза, в которых в этот момент не было синевы. Все такой же прямой была спина, напряженность которой всегда выдавала упрямство характера. В сумраке собора О'Брайен выглядел очень загорелым, как путешественник, только что вернувшийся из жарких стран.

Когда к нему повернулся служитель и прозвучал вопрос (немой для Инны, он был, тем не менее, понятным), Дерик не ответил. Опустив голову, он словно к чему-то прислушивался. Хотя после подобного вопроса многие прислушиваются к себе. Или не слышат ничего, объятые отчаянным волнением, как Инна на собственной свадьбе. Дерик молчал. В затянувшейся, ставшей всем очевидной, паузе взгляд Инны метался по лицам гостей, пока не замер на родителях О'Брайена, и она разглядела в их глазах тревогу. Когда эта тревога исчезла, Инна поняла, что ответ «Да» прозвучал. И если у нее еще оставались сомнения, первая ли это свадьба Дерики, они развеялись.

Инна глотнула воздуха, почему-то переполненного солью, как если бы она стояла на берегу холодного моря, а не внутри

полного людей собора, и снова оказалась в автобусе. Впрочем, чтобы успеть прийти в себя перед тем, как прозвучало название ее остановки.

Растерянная молодая женщина, не разбирая дороги, шла по мокрому снегу и грязным лужам и несла в груди раскаленный камень, в который превратилось ее сердце.

Не помогали доводы разума и успокоительные чаи, заваренные Владой Михайловной. Не принесли облегчения рутинная и знакомые цифры отчетов.

Инне стало легче в автобусе по дороге домой после честного признания самой себе, что боль в груди вызвана сценами чужой свадьбы, а беспокойство – бредовыми мыслями о принятом в восемнадцать лет решении. Мыслями, что оно было поспешным и неверным. Инна тут же отругала себя за них – не может быть ошибкой то, что подарило счастье материнства и двух замечательных детей. Все же женщина расплакалась, отвернувшись к холодному стеклу. К вечеру подморозило, словно днем не чирикали на голых ветках воробьи, сообщая, что весна уже здесь, в городе, только еще слишком не уверена в себе, как застенчивая девушка.

Слезы, чувство вины и холодное стекло привязали Инну к настоящему и привели в чувство. К подъезду дома она подходила, оставляя потрясения почти закончившегося дня промозглому двору.

И очень надеясь, что видений больше не будет.

Но непостижимое дело!

Дерик О'Брайен настойчиво возвращался в ее жизнь. Сколько Инна ни старалась закрыться от него, время от времени снова случались «путешествия», лишая покоя и превращая порой в тень в собственном мире. Она делала ошибки в отчетах, забывала о занятиях детей, не смотрела в сторону мужа.

Инна снова бывала в огромном доме. Комната, где строгие родители когда-то отчитывали провинившегося сына, стала кабинетом Дерика. Новый хозяин расширил библиотеку и устроил рядом с ней лабораторию. Но первое время после свадьбы О'Брайен редко приходил в эти комнаты. Он проводил его с молодой женой, пытаясь стать хорошим мужем. Супруги путешествовали, выходили на концерты, встречались с друзьями. Тот, кто считался близким другом Дерика, бросал украдкой слишком заинтересованные взгляды на его жену.

Даже тех коротких мгновений, что выпадали Инне, хватило понять, что особого тепла в новой семье нет, но его пытались создать. Прежде всего, сам Дерик.

Единственный раз, когда Инна снова оказалась на зеленом лугу, О'Брайен был один. Он смотрел на далекие горы.

Больше всего Инна боялась попасть в большой дом вечером. Еще точнее – в спальню. Один раз это почти случилось, когда она увидела Дерика уже сбросившим на пол рубашку.

Мужчина оказался не таким широкоплечим, как Вадим, не таким высоким, как бывший баскетболист. И рисунка мышц с фотографий в женских журналах на его груди и руках тоже не было, но все же в его теле чувствовалась сила. Оно притягивало взгляд.

И не только. Инна закрыла глаза, почувствовав, что заливаается краской, словно девчонка, заглянувшая в мальчишескую раздевалку.

У нее получилось быстро вернуться обратно – в большую комнату финансового отдела – за стол напротив Влады Михайловны, под ее пристальный взгляд. Инна поднялась со стула и, пробормотав что-то невнятное, выскочила в коридор. Почти бегом добралась до туалета и долго, долго умыла лицо, возвращая ему нормальный цвет.

Еще никогда в жизни Инне не было так стыдно. За то, что «подсматривала» за неодетым мужчиной. За то, что глядя на него, испытала такие же чувства, как в тот единственный раз во время поцелуя с Виктором в подъезде родительского дома. За то, что ей нравился существующий только в ее воображении мужчина. Нравился он. А не собственный муж.

Инна начала искать способ освободиться от наваждения, которое, похоже, сводило ее с ума и разрушало привычную жизнь.

Она копалась в воспоминаниях, словно в них было скрыто объяснение, откуда взялись «путешествия» и почему они

привязали ее к одному человеку. Читая книги по психологии, она изучала описания различных синдромов, но не нашла ни одного, подходившего к тому, что с ней происходило.

Она ходила к психологу, которого посоветовала Влада Михайловна (по ее словам – лучшему в городе). Но, признавшись в видениях, Инна не рассказывала, насколько долго они присутствуют в ее жизни, испугавшись, что психолог сочтет ее не просто душевнобольной, а потенциально опасной для окружающих. Что, если она окажется в психиатрической клинике, а ее дети останутся без матери? Вернее, с матерью-тенью, упрятанной за решетку?

Конечно, это было преувеличением, но рисковать не хотелось.

А еще не хотелось делиться подробностями видений, слишком личными они казались.

Психолог определил у пациентки профессиональное выгорание и лечил от него.

Инна ходила к двум бабкам (тоже по совету Влады Михайловны) и к одному черному колдуну, которого нашла сама по объявлению в газете.

Бабки высмотрели на ней следы приворота. Инна прилежно следовала предписаниям и пила странные настойки, заработав расстройство кишечника в одном случае и непонятную аллергию на локтях во втором. От аллергии она так больше и не отделалась. Настойчивая сухость и жжение появлялись на руках, стоило только понервничать.

Колдун оказался порядочным. Он не стал просить денег за помощь от несуществующего недуга, сказав, что не видит в ауре посетительницы присутствия чужой воли.

Батюшка в церкви назвал Инну грешницей.

Она согласилась с ним.

Она считала себя грешницей.

Не согрешив ни разу даже в собственных видениях и мечтах.

Это были годы бесплодной борьбы.

И чем больше Инна старалась освободиться от «путешествий», тем чаще они случались, хоть и стали совсем короткими. Настолько, что женщина не всегда успевала даже оглядеться вокруг, как уже возвращалась обратно.

Азбукой морзе неизвестного языка были эти видения, но как ни странно, из них складывались фразы.

Дерек не полюбил свою жену. Но старался быть хорошим мужем.

Его сердце принадлежало сыну – забавному мальчишке с такими же серо-голубыми глазами и темными кудрями, как у отца. Но оттенок кожи детского лица был светлее, а черты – тоньше. Дерик приводил сына на зеленый луг и показывал ему трюки с жонглированием мячей. Мальчишка смеялся, зажимая руками рот, как когда-то маленькая Инна.

Она улыбалась, наблюдая за ними (только на лугу получалось задержаться чуть дольше). Улыбалась, и, хоть это была

счастливая улыбка, в нее всегда подмешивалось много грусти.

Дети Инны, старше черноволосого мальчишки Дерика, поспешно росли, обзаводились друзьями, мечтами, историями. И пусть мама оставалась важной частью их жизни, с каждым годом эта часть становилась меньше.

Освобождавшееся от забот время Инна занимала работой, вместе с Владой Михайловной шагая по карьерной лестнице. Она пыталась найти себе разные хобби, но они получались короткоживущими. Наибольшее удовольствие приносили встречи с друзьями и ежегодная поездка семьей на юг.

Потом наступил год испытаний, когда в мир Инны ворвалась беда. Машина друзей, в которой находился Димка, попала в аварию. Все пассажиры получили увечья разной степени тяжести, у сына был серьезный перелом ноги и черепно-мозговая травма. Спасая от боли, врачи ввели его в медикаментозную кому, но парень не выходил из нее.

Бесконечных два месяца.

То страшное время запомнилось Инне как одна белая – не черная, а именно белая – полоса. Слепившая белизной больничных простыней и светом ночных ламп в коридоре больницы, удушающая запахом лекарств и слезами, которые не лились из глаз, но затопили душу.

Инне казалось, что она превратилась в тяжелую металлическую ось, и, чтобы колесо продолжало крутиться, она

должна оставаться целой. Поэтому она работала, занималась дочерью, которой, как никогда, требовалась ее помощь и забота, проводила много времени в больнице. Поддерживала Вадима. Профессиональный хирург, он не мог смотреть на собственного сына, неподвижно лежащего в кровати, сливавшегося цветом лица с постелью.

Когда Димка наконец очнулся, начался долгий процесс реабилитации.

Они прошли его все вместе – всей семьей.

Все это долгое и сначала безрадостное время Инна ни разу не оказывалась в другом мире, но «путешествие» случилось внезапно, когда она совершенно его не ожидала, решив, что видения остались в прошлом.

Она появилась в комнате, куда вносили Дерика в разорванной и залитой кровью одежде. Внесли и положили на кровать. Над раненым засуетились слуги, склонился целитель. Чуть позже он разговаривал с женой и отцом Дерика. Инна едва узнала старшего О'Брайена сквозь рисунок, оставленный годами на его лице и фигуре.

То, что положение серьезное, было понятно по едва различимому дыханию раненого и неподвижности его тела. Это читалось на лицах людей вокруг. Но насколько оно серьезно, Инна поняла, когда в комнату привели десятилетнего мальчика. Сын Дерика старался не показывать своих чувств, но его руки дрожали, пока он сжимал безжизненную ладонь от-

ца, и детская спина выглядела натянутой струной.

Жена Дерика задержалась в комнате дольше остальных. Но Инна не верила ее слезам. Эта женщина никогда не испытывала искренних чувств к своему мужу, и ее взгляд, когда она подошла к окну, был похож на взгляд Главбуха, начинавшего подготовку к годовому отчету.

Чуть позже с раненым останется только целитель и Инна, потерявшая счет времени, забывшая, что «путешествие» длится невероятно долго. Она сделает шаг к кровати, на которой лежит Дерик, потом еще один, и впервые подойдет очень близко, ей даже покажется, что она может различить тяжелое дыхание мужчины. Дерик умирал. Уходил далеко, куда гостя из другого мира не сможет последовать. Инна отчетливо поймет, что со смертью О'Брайена закончатся видения, и, по-настоящему «вернувшись», она наконец обретет свою собственную жизнь. Уйдут в прошлое ненужные терзания и непозволительные чувства к этому человеку. Он превратится в того, кем и был всегда, героя саги или долгого, но завершившегося сериала. Инне будет грустно. Но станет ведь легче?!

Глядя на посеревшее мужское лицо, Инна поймет: не станет!

Чужой, из иного измерения, или всего лишь невероятное создание воображения, Дерик О'Брайен ей необходим.

Инна не коснется умиравшего. В его мире она – толь-

ко дух, невидимый зритель, отделенный от происходящего непреодолимой стеной. Но она позовет Дерика и потянется к нему в поиске нитей, что связывали ее с человеком или видением. Снова станет осью, которая поднимет колесо и поможет ему начать двигаться. Прольет много слез – их накопилось в душе целое море, море, не успевшее высохнуть со времени, проведенного в страхе за сына. Слезы будут литься по щекам, попадать на руки, но не на пол.

Прежде чем Инну утянет обратно в ее реальность, ресницы Дерика дрогнут, и к нему побежит изумленный целитель.

Вернувшись домой, первым делом Инна зайдет в спальню к мирно спящему сыну. Молодость берет свое и вершит чудеса. Измученная женщина сдержит сухие рыдания и устало улыбнется, поверив, что самое страшное осталось позади.

В обоих мирах.

Инна проверила время на часах на стене – почти пять вечера. Скоро идти с отчетом к Генеральному. Она поднялась из-за стола и отошла к окну. Слишком разволновалась.

Стояла и смотрела на улицу. Но вместо светлого, пропылившегося после недельной засухи города, видела зеленый луг.

Она попала на него пару месяцев спустя после покушения на Дерика. О’Брайен сидел к ней спиной, изучая далекие го-

ры. Но стоило невидимой гостье появиться, мужчина стремительно обернулся, и на короткое мгновение Инне показалось, что он...

Нет.

Он вглядывался во что-то сквозь нее...

Пока на его лице разглаживались морщинки.

С облегчением или разочарованием Инна перевела дух и начала рассматривать Дерика. У него поседели волосы – совсем немного – но на черном фоне выделялось даже несколько тонких прядей, и казалось, что виски мужчины припорошило инеем.

Это было... красиво.

У Дерика появился свежий шрам над правой бровью. Было ли покушение связано с работой? Или с человеком, который считался другом, но прятал в глубине своих глаз зависть и слишком часто смотрел в сторону чужой жены?

Главное, О'Брайен был жив.

За прошедшее время Инна провела временной анализ и сделала вывод, что «путешествия» связаны с тем, насколько настойчиво она о них думает. Значит, чтобы порвать невидимую нить, притягивающую ее к стоявшему перед ней мужчине, не требовалось его смерти. Инна могла освободиться от своего наваждения сама, если бы захотела.

Но она не хотела.

В то время, пока Инна служила осью, вокруг которой крутилась надломленная карусель, она постоянно чувствовала

странное присутствие. Тепло внутри. Горячее дыхание на ухо. Без слов. Без звуков. Придававшее сил и помогавшее верить, цепляясь за надежды.

Глядя на Дерика, с лица которого уходила озабоченность, Инна видела того, кому принадлежал этот огонь.

– Ну что ж, Инна Сергеевна, вы, как всегда, на высоте, – Генеральный улыбался.

У сына Степана Борисыча накануне ночью родился ребенок, и сегодня счастливому дедушке сообщили, что внук получил его имя. Директор был доволен. Поэтому не разогнал задержавшуюся после окончания перерыва Ларку со всей ее косметикой, не наказал Зама за то, что тот пропустил ошибки в отчете. Хвалил Инну.

– Не засиделись ли вы у нас на одном месте? Засиделись, – Степан Борисыч любил задать вопрос и тут же на него ответить, как если бы знал все ответы. – Вакансия на должность моего второго зама открыта. Подавайте свое резюме, Инна Сергеевна. Подавайте.

– Спасибо, я подумаю, – ответила Инна, поднимаясь со стула и направляясь к двери.

О повышении она мечтала уже второй год. Ей хотелось не только более высокой зарплаты, но и новой работы. Почему же на предложение Генерального она вдруг ответила «Подумаю»?

Неужели из-за непонятного волнения, растущего

внутри нее с каждым часом? Воспоминаний, захвативших ее сегодня с того самого момента, как девчонки из бухгалтерии позвали за собой в конференц-зал смотреть очередное Ларкино выступление?

Из-за того, что она весь день думала о Дерике О'Брайене?

Возможно, со стороны ее жизнь выглядела устроенной и вполне счастливой. Сама себе Инна казалась заигравшейся в те роли, о которых рассказывал психолог, что лечил ее от выгорания.

Множество ролей, которые ведет каждый человек.

Роль дочери – родители Инны состарились, но были здоровы, проводя все лето на даче и радуясь встречам с детьми и внуками.

Роль матери – Инна играла ее самозабвенно.

Жены – она справлялась и с этой ролью.

Но не смогла стать возлюбленной.

Подруги – Инна была рядом с друзьями, когда они нуждались в ней, и научилась не только их слушать, но и слышать.

Ее ценили как работника и только что предложили повышение.

Да, Инна неплохо играла свои роли, но многие из них, казавшиеся раньше главными, уходили на второй план.

У ее детей была своя жизнь. В прошлом году они даже отказались ехать на юг, и лето впервые прошло без моря: на

даче у родителей, на даче у Варьки, в задыхавшемся от пыли городе.

Вадим любил Инну когда-то. Наверняка испытывал к жене чувства и сейчас. Но вместе с обидами, которых у мужа было много, все чувства давно переплавились в привычку. Рыжий Гришка с забавными конопушками на носу стал именитым хирургом, заслужив уважение коллег и благодарных пациентов. Его окружало внимание – не только как специалиста – но и как мужчину. Инна не сомневалась в этом. Хотя Вадим был очень осторожен, в остром запахе лекарств присутствовали тонкие ароматы женских духов.

Но так же Инна не сомневалась и в том, что муж никогда не станет инициатором развода.

Он слишком привык к комфорту и ценит преимущества жизни с человеком, который знает его долгие годы, принимая все недостатки и выучив все привычки. Которому не следует напоминать, сколько ложек сахара положить в чай, и что в кофе надо добавить щепотку соли. Который будет следить, чтобы брюки всегда были отглажены со стрелками. А если по телевизору показывают футбольный матч, не станет звать на помощь или делиться событиями дня. В такой момент Вадима нет дома, он там – среди болельщиков. У него свои собственные «путешествия». Ради кожаного мяча.

Вадим продолжал ревновать жену к детям. Это неприятное чувство тоже давно превратилось в привычку. Его истоками был не только недостаток внимания, а зависть, потому

что с появлением детей муж увидел разницу в силе чувств и понял, что Инна никогда не испытывала к нему подобных эмоций и вряд ли испытает. Хорошо еще, что разочарование перетекло в равнодушие, а не превратилось в ожесточение.

Но Инна, не полюбившая Вадима, позволившая мужчине из видений занять слишком много места в своей жизни, не желала чувствовать себя виноватой.

Не стоит начинать отношений из жалости, от отчаяния или страха остаться одной. Скорее всего, они закончатся приторными буднями, серость которых сотрет все яркие краски вокруг. Буднями, которые с годами наполнятся одиночеством.

Инна старалась быть честной в своих ролях. Она играла их как могла.

Но настало время, когда актеру захотелось стать самим собой, пусть он сам еще не знал, что это значит.

Вместо того, чтобы собрать чемоданчик и отправиться в путешествие в надежде найти умиротворение, Инна позволила себе думать, что между ней и Дериком О'Брайеном существует особая связь.

Что невероятным образом он так же, как и она, знает о ее существовании. Что она такая же часть его жизни, как и он ее.

У Инны накопилось достаточно доказательств для такой возмутительно прекрасной идеи. И не было никого рядом,

кто мог бы их опровергнуть.

Связь через миры помогала обоим в трудные времена. В тот единственный раз, когда Инна думала, что ее крик услышан, она предупредила Дерика об опасном звере. Инна удержала О'Брайена, когда он уходил туда, куда невозможно дотянуться. Дерик же делал Инну сильной, даже когда она не подозревала о его поддержке. Был голосом без слов, теплом в душе, придававшим сил и дарившим надежды.

Приняв неведомый никому мир и его героя как часть своей жизни, Инна нашла покой.

В сорок с лишним лет она с особой тщательностью следила за собой и прекрасно выглядела. Увлеклась рисованием, верховой ездой, изучала испанский язык. И устраивала себе маленькие праздники. Как Золушка (ну и пусть ей давно за тридцать), она одевалась на бал, в предвкушении встречи с Дериком. Незамеченная, неспособная ничего сказать или услышать, Инна ходила на свидания в другой мир.

Дерик проводил вечера в лаборатории и в библиотеке. Много работал. Его должность оставалась для Инны загадкой, но О'Брайен стал важным человеком в своем мире – одним из тех, кто принимает решения и которых слушаются. К нему даже прислушивался тот, перед которым все остальные склоняли головы. Более того, Дерик О'Брайен мог спорить с этим человеком, если они находились наедине.

Сын Дерика учился в Университете, но по-прежнему оставался близок с отцом. Зато больше не чувствовалось

присутствие женщины рядом с О'Брайеном, и его дом поне-многу начинал напоминать громадную холостяцкую берлогу.

Телефон заиграл веселую мелодию, возвращая в каби-нет.

– Да, дочка, – отвечая на вызов, Инна улыбалась. Сто-ило представить лицо дочери, как все вокруг станови-лась чуточку светлее. Светочка-Светлячок...

– Мам, я еду от руководителя проекта. Он всем дово-лен, прикинь!

Инна поморщилась. Ей не всегда нравился выбор слов дочери, но остановить ее от использования подростко-вого сленга не получалось.

– Прикинула уже, – отозвалась она.

– Мам, я что звоню... У Кирилла сегодня квартира пу-стует, мы собираемся к нему всей нашей компанией. Я... не приду на ужин. Хорошо?

Говорить, что «не хорошо» все равно не имело смысла.

Инна спрятала разочарование:

– Хорошо.

Для Светочки она тоже купила сегодня у Ларки небольшой подарок – тушь для ресниц, которая не сы-пется, увеличивает объем и при этом сделана из эко-логически чистых компонентов. После проделанной над проектом работы у дочери есть право на маленький праздник. Но под словом «праздник» Светлячок подразу-

мевала нечто иное. Вечер с Кириллом.

Как скоро Инна услышит: «Мы решили пожить вместе»?

Не потому ли дочка так спешит найти себе квартиру?

– Ма-а-ам, – наверное, Инна затянула паузу, – ты только не обижайся. Я знаю, ты готовила это свое, Вовкове.

– КокоВе... – машинально поправила Инна. Рецепт курицы с шампиньонами и морковью в красном вине она раздобыла у подруги и решила собрать семью вместе, удивив необычным блюдом.

Димка отписался первым – «по работе». Два слова, чтобы объяснить, что угодно – от серьезных проблем до простого нежелания.

Теперь Светочка.

– Не волнуйся, мы оставим тебе на завтра, – проговорила Инна.

– Мам! Ты лучше всех!

Чмок в телефон. Тишина.

Когда-то вместо тишины в трубке раздавались ровные, нудные гудки.

Означавшие, что тот, кто находился далеко, оказался еще дальше.

После видений, превратившихся в свидания, не было гуд-

КОВ.

Не было тишины.

Была тихая грусть.

Ожидание. Следующего раза.

Особенно в последний год, потому что в «путешествиях» что-то неуловимо менялось, лишая покоя и заставляя испытывать неведомое с юности волнение.

Начать с того, что Инна стала чувствовать их приближение. А последние три раза и вовсе получила дату – вспыхнувшей в голове цифрой, которая означала, что в этот день она увидит Дерика.

«Путешествия» стали реже, но продолжительней.

Но главное, крепло чувство, что незаметное присутствие Инны не такое уж незаметное.

Сам Дерик казался захваченным каким-то проектом или идеей, напоминая самого себя в те времена, когда он стремился стать лучшим в школе и искал разгадки только ему известных тайн. О'Брайен был непривычно возбужден, чаще смеялся и нарушал правила.

Например, когда его сын получил такой же знак отличия, как отец, Дерик не ограничился тем, чтобы светиться самому от гордости – он осветил университетский двор ярким фейерверком, который, превратившись в сверкающие бумажки, усеял людей и землю. О'Брайен повторил свою собственную шалость, но на этот раз не получил наказания. Отец и сын убрали все следы золота несколькими движениями рук.

Дерик шутил даже с человеком, перед которым все склоняли головы, и тот смеялся ему в ответ.

Над зеленым лугом снова крутились оранжевые шары и острые клинки, и, хоть зрительница знала, что лезвия не нанесут жонглеру ран, она все равно боялась, как девчонка.

А последнее «путешествие» привело невидимую гостью в просторный павильон, полный цветущих летних трав, но его прозрачные стены выбелил иней. Инна не сомневалась в том, кто это сделал.

Чего ждать от завтрашнего дня?

Даже думать об этом волнительно.

Настолько, что гулко забилося сердце в груди, заставляя Инну задержаться в дверях, чтобы успокоиться. Она окинула взглядом кабинет, аккуратные стопочки бумаг на столе, потом достала из сумочки зеркальце и освежила помаду на губах.

Лидочка не врала, подарив комплимент-конфетку. Инне очень шел этот цвет, а легкий аромат клубники заставил улыбнуться, напомнив любимое время года.

Которое заканчивалось на улице.

Лето всегда пролетает быстро. Стоит ветру наполниться ароматами яблок и меда, появиться прохладе в вечернем воздухе – и вот уже осень достает свои кисти и готовит мольберт.

Но, даже позднее, оно все еще Лето!

Выйдя из Учреждения, Инна посмотрела в высокое небо и, улыбаясь своим мыслям, направилась к стоянке машин, когда ее взгляд выхватил мужчину на другой стороне дороги. Он смотрел на нее. Он направился к ней. Он остановился рядом.

Серые глаза заливала синева. Виски припорошило инеем.

Прозвучал его голос:

– Столько лет ушло на поиски. Я не смог ждать еще один день.

В оформлении обложки использованы:

исходники с платного стока Депозитфото:

рука мужчины – <https://ru.depositphotos.com/13484545/stock-photo-man-hand.html>

рука девушки – <https://ru.depositphotos.com/105017284/stock-photo-womans-hand-sign-isolated-on.html>

цветок – <https://ru.depositphotos.com/10450399/stock-photo-rose-in-the-snow.html>

фон – <https://pixabay.com/ru/illustrations>

с бесплатного стока Пиксабей по лицензии ССО

автор – Nina Neangel